

которые могли бы способствовать складыванию капиталистических отношений»,⁷⁹ как это происходило уже в Италии.

Таким образом, исихазм от начала XIV в. к его второй половине как бы проделывает некую эволюцию от монастырского индивидуалистического («келейного») к широкому общественному движению. В ходе споров он становится узловой точкой для многих общественных проблем. Палама создает для него теоретическую философско-богословскую основу; споры способствуют его популяризации. Победа же в гражданской войне Иоанна Кантакузина отдаёт в руки исихастов ключевые позиции в церкви и позволяет им сделать их представления о «божественной энергии» общеправославными.⁸⁰ Внутриполитические победы открывают перед деятелями обрисованного нами типа поле для внешнеполитической, международной активности восточноевропейского масштаба.

II

Как осознавали эти люди свое соотношение с другими народами?

Мусульмане, турки — «враги христиан и присущего им по душе и телу» (ἐχθροὶ τῶν χριστιανῶν καὶ προσόντων αὐτοῖς κατὰ τὴ ψυχὴν καὶ σῶμα), т. е. враги как в духовном, так и в экономическом отношении. Единственные болгары и сербы — враги христианского добра (ἐχθροὶ μὲν τῶν προσόντων αὐτοῖς χρημάτων), т. е. лишь экономические враги (хотя эта вражда часто стоит многих жизней, ибо, — говорит автор этой классификации Иоанн-Иоасаф Кантакузин,⁸¹ — «стоит им захотеть разграбить (наше) добро, как отсюда начинаются войны, и по необходимости за ними следуют телесные смерти»).

Что же касается западных католиков, то они, «вместо того, чтобы быть нашими друзьями, братьями и (соучастниками) в духовном теле Христа, становятся врагами, — и не только в отношении тел и добра, но и по отношению к самим душам, а это, как мы сказали в начале, — характерная особенность нечестивых!».⁸² То есть католики, подобно туркам, становились для византийцев врагами и экономическими и духовными. И проблема отношений с ними осложнялась тем, «что все время — с того момента, как разделение церкви сделалось всеобщим, и доньше» — они относятся к восточным христианам не как друзья и братья, а ставнически, самовластно и как если бы они были господами (μὴδέποτε ἀδελφικῶς τε καὶ φιλικῶς..., ἀλλ' ὡς διδασκαλικῶς καὶ οἰονεὶ αὐθεντικῶς).⁸³

Различие между западными и восточными христианами Филофей Коккин описал следующим образом: «Люди нового Рима, а вернее всё наше, что подчиняется вселенской церкви и Римской империи, — потому-то они и называются по сию пору ромеями (Ῥωμαῖοι) — настолько отличаются от людей старого Рима, а также всех государств того, разделившегося на много частей народа (т. е. западноевропейцев, — Г. П.), что обо всех них, за исключением немногих, нельзя и подумать, что они были некогда римлянами (Ῥωμαῖοι) и принадлежали к одному и тому же (что и мы) народу

⁷⁹ Там же, стр. 24.

⁸⁰ За вторую половину XIV в. соответствующие соборные постановления константинопольского патриархата были приняты всею православною церковью (J. Meuschen d o r f f. Introduction, стр. 151).

⁸¹ J. Meuschen d o r f f. Projets, стр. 170—171.

⁸² Там же, стр. 173.

⁸³ Там же, стр. 172.